

Алекс Ключевской Илья Ангел

ТЁМНЫЙ МАГ

Книга 16

Обходной путь

Тёмный маг

Алекс Ключевской (Лёха)

**Тёмный маг. Книга
16. Обходной путь**

«Автор»

«Автор»

2026

Ключевской (Лёха) А.

Тёмный маг. Книга 16. Обходной путь / А. Ключевской (Лёха) —
«Автор», «Автор», 2026 — (Тёмный маг)

Не успел Дмитрий выдохнуть после спасения Романа, как поступили сведения о том, что враги начали действовать более активно. И прежде чем что-то предпринять, необходимо наконец внедрить к ним своего агента. Ну и что, что план внедрения в итоге получился немного нестандартным? На войне, как говорится, все средства хороши.

© Ключевской (Лёха) А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Алекс Ключевской (Лёха), Илья Ангел Тёмный маг. Книга 16. Обходной путь

Глава 1

В тёмной комнате практически не было видно человека, сидевшего в кресле. Можно было определить только лёгкий силуэт, и то, если долго присматриваться.

Когда Николай Штейн открыл дверь, то участок пола, освещённый светом ламп, висевших в коридоре, показался ему неестественно ярким. Замерев на пороге, Штейн принялся внимательно осматривать гостиную двухкомнатного номера в этом отеле, принадлежащем десятой Гильдии Российской республики, но, никого не увидев, громко кашлянул, стараясь привлечь к себе внимание.

— Проходи, не стой там, — недовольный голос, раздавшийся из глубины комнаты, заставил Николая прищуриться, вглядываясь в темноту. — Можешь включить свет, если тебе так будет комфортно, только, Коля, ради всех богов, не делай его слишком ярким.

Штейн кивнул и дотронулся до выключателя, и только когда комната озарилась неярким светом, закрыл дверь.

— Это что? — кивнул он на какую-то непонятного вида статуэтку, стоявшую на журнальном столике рядом с Клещевым. — От него фонит Тёмной магией, — добавил, когда понял, почему испытывает даже какое-то странное отвращение от одного внешнего вида этого произведения искусства. Подобное отвращение он испытывал от всех поделок Тёмных, с которыми встречался раньше.

— Подарок от преданной фанатки, — пробормотал Игорь Максимович, прикрывая глаза. — Смогла достать артефакт, в то время, как это не смог сделать никто, кого я просил. Думаю, что нужно познакомиться с ней поближе, раз она так старается во благо нашего дела, — невестело усмехнулся Клещев, бросая на стол атласную ленту, которой была перевязана статуэтка, вручённая ему полчаса назад этой странной и очень бойкой девицей. — Нужно передать его Рощину. Он слишком сильно хотел его заполучить ради какого-то эксперимента. Для нас же артефакт совершенно бесполезен.

— Я проконтролирую, — кивнул Штейн. — Вы плохо выглядите, — заметил он, разглядывая сидевшего в кресле Клещева. — Когда вы в последний раз выходили на улицу?

— Не помню, — Клещев на мгновение задумался, а потом махнул рукой. — Это не имеет значения. Ты узнал, что произошло с этой чёртовой Наумовской собакой?

— Пса давно никто не видел рядом с Наумовым, — ответил Штейн, садясь в кресло напротив лидера «Детей свободы». — Или собака уже слишком дряхлая и доживает свои последние дни в поместье, куда никому из нас нет хода, или же её уже нет.

— Это хорошо, — Клещев на мгновение прикрыл глаза, стараясь прогнать из памяти жуткие глаза проклятой псины, словно затягивающие его тёмную беспросветность какого-то бесконечного кошмара. — Хоть какие-то хорошие новости.

— Я не понимаю, почему все так помешались на старом псе? — скривился Штейн, вспоминая одержимость Гвэйном не только Клещевым. — Обычная ничем не примечательная блохастая тварь, — фыркнул он, прекрасно помня, как белоснежная собака появилась у Наумова ещё в школе.

— Просто не лезь не в своё дело и выполняй то, о чём тебя просят! — вспылил Клещев, прикрывая глаза, стараясь успокоиться и не наговорить этому юнцу лишнего. Как ни крути, он теперь являлся главой рода Штейнов, и от него зависело очень многое.

— Зачем вы собираете нас всех в «Триумфе»?

— Чтобы попытаться подкорректировать планы с учётом гибели Гаранина, — процедил Клещёв.

— С чего вы взяли, что он мёртв? — Штейн криво усмехнулся, разглядывая его. В такие минуты ему как никогда хотелось послать Клещёва куда подальше, но он всё же старался держать себя в руках.

— Роман Гаранин жив? — Игорь приподнялся в кресле, держась за подлокотники обеими руками. — Этот идиот не смог прикончить собственного сына?

— Судя по моим данным, он жив, — Штейн не стал уточнять, какого идиота Клещёв имеет в виду, это было слишком очевидно. На мгновение задумавшись, он продолжил: — Мне не известно его состояние, но по тому, что Лео Демидов не собирается устраивать похороны и не напялил белый костюм — Гаранин всё ещё жив.

— Ну вот, можешь же ты меня радовать, когда захочешь, — Клещёв криво улыбнулся. — Значит, нужно дожидаться, когда мальчишка очухается и начинать реализовывать наш план. Не просто же так я вложил столько сил и средств в Влада.

— Вы вложили? — Штейн позволил себе усмехнуться. — А мне казалось, что большая часть плана, как и деньги на его реализацию, принадлежат Георгию Гаранину.

— Заткнись, — перебил его Клещёв настолько ласковым голосом, что Николай почувствовал, как на затылке зашевелились волосы. — Раз этот гадёныш жив, отмени общий сбор.

— Хорошо, — Штейн невозмутимо вытащил записную книжку и сделал соответствующую запись. А Клещёв тем временем продолжил:

— Никогда не понимал этой страсти Тёмных к белому цвету, особенно во время свадеб и похорон. Они что, считали, что свадьба — это те же похороны?

— Понятия не имею, — Штейн пожал плечами, покосившись на своего лидера. Всё-таки Клещёв был очень сильным магом, и с его перепадами настроения приходилось считаться. К тому же, если отбросить его паранойю, вёл себя Игорь Максимович вполне адекватно и уже приступил к новой вербовке среди членов правительства, знатно прореженных этим козлом Наумовым, который обиделся на них за взрыв СБ.

— Не понимаю, как те же Лазаревы умудрились дать вырезать себя? — тем временем продолжил бормотать Клещёв. — Они вполне могли превратить половину земного шара в выжженную пустыню, но просто в один прекрасный момент отступили и отозвали шавок, оставшихся им преданными до самого конца. Да те же Демидовы легко могли нашу столицу с лица земли стереть, но почему-то этого не сделали.

— Я сейчас скажу крамольную вещь, — Николай выдохнул и провёл рукой по лицу. — Но, скорее всего, они этого не сделали, потому что в этой битве разума и совести, совесть Тёмных сумела победить.

— Глупый атавизм, — Клещёв скривился. — Но, как ни странно, ты, скорее всего, прав.

— Зачем вы вообще заговорили о Тёмных? — Штейн поморщился. — Оставшиеся в живых на сегодняшний день, не представляют большой угрозы. На того же Довлатова посмотрите.

— Довлатовы никогда не были близки к трону. Они всегда были мягкотелыми, — Клещёв снова прикрыл глаза. — Но это не значит, что, если Денису не прижать как следует самое дорогое, он не наплюёт на последствия и не сотворит небольшой апокалипсис на отдельно взятом пространстве. Ты не смог в своё время переманить его на нашу сторону, поэтому просто держись от него подальше, если не хочешь на себе испытать извращённую фантазию адептов этой стервы, которую они Прекраснейшей называют.

— Я и не собираюсь его трогать, — Штейн в упор смотрел на Клещёва. — Я пока в своём уме. Но почему вы всё-таки вспомнили о Тёмных? — снова спросил он.

— Мне нужен кинжал, — после минутного молчания, во время которого Николай думал, что Клещёв ему не ответит, тот всё же начал говорить. — Кинжал, похищенный у Моро, был

подлинником. Не знаю, принадлежал ли он кому-то из Великих Князей, или всё-таки нет, но когда-то его точно держал в руках какой-то Тёмный. Мне он нужен.

— Его украли, Игорь, и вряд ли...

— Судя по тому, что из хранилища вынесли всё без разбора, это только вопрос времени, когда он появится на одном из подпольных аукционов. Найди мне его. Следи за Моро, он тоже наблюдает за рынком, и ему не удастся скрыть возбуждение, если кинжал попадет в поле его зрения, — Клещев открыл глаза и посмотрел на Штейна, призывая свой дар. — Найди мне его. Не жалею никаких денег, чтобы его выкупить. Я открою тебе доступ ко всем своим счетам, используй их, но достань мне кинжал!

— Зачем? — Штейн тряхнул головой, страхивая лёгкое ментальное воздействие.

Штейны всегда славились невосприимчивостью к данной магии, должно быть поэтому на девчонку ему, Игорю Клещеву, пришлось потратить столько сил. И то, она не до конца попала под его влияние, хотя он чуть в кашу её мозг не превратил. С другой стороны, откуда ему было тогда знать, что в девчонке течёт кровь этого твердолобого семейства? Но он держал Николая так близко к себе ещё и из-за того, что был почти уверен в нём, в том, что Штейн находится здесь по личным убеждениям, и его сложно будет кому-то использовать.

— Зачем вам нужен этот кинжал? — Штейн стиснул губы, в упор глядя на Клещева. Он не любил, когда Игорь Максимович пытался воздействовать на него, словно проверял, не ослабла ли его врождённая защита.

— Я уверен, что когда эта вещь будет у меня в руках, я избавлюсь от этих нелепых страхов, — неохотно ответил Клещев, вытирая платком внезапно вспотевший лоб. — Найди его, во что бы то ни стало.

— Ну, хорошо, — Штейн отвёл взгляд от своего лидера и принялся рассматривать довольно вульгарно обставленную комнату. — Я найду вам этот кинжал, но буду ждать доступ к вашим счетам, потому что я вряд ли смогу позволить себе его выкупить, перебив ставку того же Моро, у меня просто нет столько денег.

— Я уже сказал, что предоставляю тебе доступ, — раздражённо ответил Клещев и снова закрыл глаза. — Когда будешь уходить, погаси свет, он меня раздражает.

— Понятно, — Штейн поднялся с недовольной миной на лице. — Значит, аудиенция окончена. Надеюсь, в следующий раз мы пообщаемся более продуктивно.

— Надеюсь, в следующий раз ты меня снова порадуешь интересными новостями, — в тон ему произнёс Клещев, не открывая глаз.

Николай с минуту постоял, глядя на него, а затем вышел из комнаты, хлопнув рукой по выключателю прежде чем закрыть за собой дверь.

Самолёт приземлился и сразу же покати́л в сторону частного ангара, принадлежащего семье Наумовых. Винты ещё не перестали вращаться, когда дверь отодвинулась, и на бетонный пол мягко опустился трап.

Стоявший у стены Залман шагнул к трапу, и одновременно с этим в проёме появился Ожогин. Увидев Шехтера, Женя подвинулся и вытолкнул вперёд женщину, одетую в коротенький шелковый халатик. На ногах у женщины были домашние тапочки с очаровательными пуховыми шариками, что выглядело ещё более нелепо.

— Не хватает только бигуди на голове, — пробормотал Залман, вопросительно глядя на Ожогина. — Зачем ты её притащил? Это и есть твоя посылка?

— Да, — коротко ответил Женя и подтолкнул Анну Маркелову в спину. — Идите, господа Маркелова, не заставляйте капитана ждать.

Залман пристально осмотрел девушку, схватил за плечо и потащил к машине, стоявшей у ворот ангара. Усадив Анну на заднее сиденье, он устроился за рулём, в то время как Женя сел рядом с ним на пассажирское сиденье.

— Ты не ответил на вопрос, — сказал капитан, выруливая из ангара.

— Я не знаю на него ответ, — тихо произнёс Ожогин. — Рома сказал мне, чтобы я забрал её из одного места и привёз в СБ. Я подождал ещё несколько минут, тридцать, если быть точным, но никакого ящика, конверта или хотя бы элементарной записки на меня с неба больше не свалилось, так что я разумно решил, что госпожа Маркелова и есть упомянутая посылка.

— Как она оказалась в том загадочном месте? — Шехтер покосился на Роминого секретаря и снова перевёл взгляд на дорогу. — И самое главное, каким образом она осталась жива, когда его сердце остановилось? Разве браслет не должен был её убить? Хотя Эдуард что-то говорил о расстоянии, но я почему-то был уверен, что Гаранин смог решить эту проблему.

— Я не знаю таких нюансов, что ты привязался? Единственное, что мне известно: она эмпатик. Но об этом я знал ещё тогда, когда работал на Романа в Гильдии, поэтому будьте с ней осторожны, — раздражённо ответил Ожогин, а потом встрепенулся, уставившись на Залмана. — Что значит: «Его сердце перестало биться?». Что с Ромой?!

— Не ори, — жёстко прервал его Шехтер. — Сейчас он без сознания, но жив. Был момент, когда даже Тёмные не были уверены, что его удастся вернуть. Думаю, здесь не то место, чтобы обсуждать такие подробности. И да, на нас её дар не действует, но я предупрежу остальных, хотя сомневаюсь, что с ней будет работать кто-то из не посвященных в это дело.

— Мне кто-нибудь ответит, зачем меня сюда притащили? — раздался сзади возмущённый крик. — И снимите с меня уже этот проклятый браслет!

— Что-то долго она в себя приходила, — заметил Залман, разглядывая покрасневшую Анну в зеркале заднего вида.

— В самолёте она вообще молчала и смотрела в одну точку, совершенно не понимая, что происходит. Неодарённые плохо переносят перемещение с помощью портала, — ответил Ожогин, пожав плечами. — Особенно, когда это происходит внезапно. Я так понимаю, её прямо из Ромкиной квартиры выдернуло прежде чем муженёк успел увезти свою ненаглядную из этого зловещего логова.

— М-да, ситуация, — протянул Залман. — И, боюсь, пока Гаранин не придёт в себя, мы не узнаем, зачем он всё это провернул. В качестве гарантии она здесь не нужна, а ничего большего я придумать просто не в состоянии.

— К счастью, у нас есть начальство, чтобы думать о подобных проблемах, — заметил Женя, внимательно глядя на Шехтера. — Ему очень хотелось узнать, что происходило здесь, пока он летел с Анной из Фландрии, и почему Роман находится без сознания, но благоразумно молчал, потому что сидевшая на заднем сиденье Маркелова не сводила с них злобного взгляда, ловя каждое слово.

Примерно через полчаса они подъехали к СБ, и Залман выволок Анну из машины. Она окончательно пришла в себя и начала весьма активно сопротивляться.

— Пустите! Отпустите меня! Что вы вообще себе позволяете, скоты? — она постепенно переходила на ультразвук, но Шехтер тащил её, крепко держа за плечо, не обращая внимания на вопли.

Ожогин взбежал по крыльцу первым и открыл дверь, пропуская Залмана с Анной, а когда зашёл следом, то увидел, что они остановились в холле рядом с удивлённо смотрящим на их компанию Дмитрием Наумовым и скептически хмыкнувшим Эдуардом.

Обещанные три часа на восстановление мне не дали. Прошло всего неполных два часа, как меня разбудил звонок телефона. Приоткрыв один глаз, я посмотрел на дисплей, чтобы понять, кто так настойчиво меня домогается.

— Да чтоб вас всех. Ну почему почти всё больничное крыло разрушено, а мой телефон умудрился уцелеть? — пробормотал я, садясь на чудом уцелевшем диване, единственной оставшейся целой, кроме Ромкиной кровати, вещи. — Наумов.

— Дмитрий Александрович, — голос министра внутренних дел заставил меня подбаться. — Вы сейчас свободны? В прошлый раз не получилось встретиться, вы уж извините, но вот прямо сейчас я сижу в приватном кабинете в «Радости волка» и наслаждаюсь отличным судаком, приготовленным новым шеф-поваром ресторана. Не хотите ко мне присоединиться?

Я на мгновение задумался. С отправки на каторгу Кляйна прошло не так уж и много времени, но только за неполные полгода Яковлев умудрился уже трижды сменить министра этого важного ведомства. На этот раз он, видимо по ошибке, поставил на эту должность Иванова Павла Романовича, бывшего прокурора, отличающегося неподкупностью. Лично мне Иванов сразу понравился. Он, конечно, не настолько «улетевший», как министр Смирнов, но производит довольно приятное впечатление. Только, боюсь, со своими взглядами он долго в этом кресле не задержится. Но послушать, о чём он хочет мне сообщить, не помешает.

— Да, я сейчас свободен, Павел Романович, — кашлянув, ответил я наконец, заметив, что пауза начала затягиваться. — Вы не возражаете, если я приду на встречу не один, а со своим секретарём.

— С господином Пастелем? — уточнил Иванов.

— Да, именно с ним.

— Хм, — на этот раз задумался Иванов. Думал он недолго и решил кое-что для себя уточнить: — Он же ваш родственник?

— Старший сын моего биологического отца, — пояснил я. — Получается, что мы братья. Так что да, наверное, нас можно считать родственниками.

— И как ваш секретарь, господин Пастель, безусловно, находится в курсе всех ваших дел, — осторожно добавил Иванов.

— Это входит в его обязанности, — я оглядел разгромленную комнату и стоявшую посредине кровать. Ромка всё ещё был без сознания, и рядом с ним не сустились медики во главе с Ахметовой, значит, заходить сюда не Тёмным было пока небезопасно. Встав, я направился к кровати, говоря на ходу: — Кроме того, Эдуард очень любит судака, было бы свинством с моей стороны не позвать брата на дегустацию.

— Ну раз так, то я не буду возражать и попрошу официанта принести два дополнительных прибора, — решительно произнёс Иванов.

— Отлично, в течение двадцати минут мы будем, — я отключился и остановился рядом с кроватью, разглядывая Ромку.

Он был без сознания, никак не реагировал на внешние раздражители. Глаза под закрытыми веками быстро двигались, а по лицу время от времени пробегала болезненная судорога. С ним явно что-то происходило, но сказать сейчас, что же именно менялось в его организме, было невозможно. Оставалось только ждать, когда же он очнётся. Постояв рядом с Романом с минуту, я направился к выходу из медицинского отдела.

В коридоре было пусто. Странно, что Ванды я не увидел даже за чертой, которой Эд отметил опасную для сотрудников зону, где всё ещё ощущались отголоски перевозданной Тьмы.

— Рокотов отправил Залмана в аэропорт к Ожогину. Никто пока не знает подробностей произошедшего, только то, что Гаранин жив, и что ты тоже умудрился выжить, сотворив такое дикое безрассудство, — Эд вынырнул из бокового коридора совершенно бесшумно, и я вздрогнул от неожиданности, когда он возник рядом со мной. — Сотрудники начали возвращаться на рабочие места. С помощью Оракула мне удалось стабилизировать тёмный фон до приемлемых значений, так что нечего прохлаждаться. Сейчас только Ахметовой с её командой не стоит возвращаться в отдел.

— То-то я её визгов пока не слышу, — криво усмехнувшись, я непроизвольно дотронулся до седой пряди, с которой Эд не сводил пристального взгляда. — Не смотри так на меня.

— Как? — Эдуард изогнул бровь.

— Как на идиота, — огрызнулся я. — Меня пригласил на обед Иванов, и я сказал, что ты составишь мне компанию. Нужно послушать, что он нам скажет.

— С этим не поспоришь, — Эдуард отвёл взгляд и принялся разглядывать стену, что-то обдумывая.

— Он нас уже ждёт в «Радости волка», — добавил я, делая шаг в направлении лестницы, ведущей в холл.

— Ну что же, в таком случае не будем заставлять господина министра ждать, — Эд посторонился, пропуская меня вперёд. Он шёл как обычно чуть сбоку позади меня. Думаю, что если я резко остановлюсь и с рулеткой начну измерять расстояние между нами, оно всегда будет составлять два шага, положенные по дворцовому протоколу. Вот ни больше ни меньше. И повлиять я на это никак не могу, нужно просто привыкнуть.

Мы прошли через восстановленную идентификационную рамку в тот самый момент, когда двери центрального входа открылись, и в холл вошёл Залман, тащивший молодую, довольно привлекательную женщину. Я моргнул, решив поначалу, что у меня галлюцинации развились на фоне тяжелейшего магического и морального истощения, но женщина в очень коротком шёлковом халатике и мягких домашних тапочках никуда не исчезла, тогда я перевёл взгляд на Шехтера:

— Это ещё что за номер?

— Анна Маркелова, — ответил Залман, подтаскивая сопротивляющуюся Анну поближе ко мне.

— Я вижу, что это Анна Маркелова, — выдохнул я, потирая лоб. — Я спрашиваю, что она здесь делает?

— Подозреваю, что это и есть та самая посылка, про которую говорил Ожогин, — саркастически ответил вместо Залмана Эд, кивая в сторону стоявшего возле входа Женю. — Но думаю, что узнать, зачем она здесь, мы сможем только у Романа.

— Так, хорошо, — я посмотрел на Шехтера в упор и поморщился, увидев, как тот, хмурясь, разглядывает эту проклятую седую прядь. — Определи госпожу Маркелову в камеру и... Оденьте её во что-нибудь более... — я щёлкнул пальцами, подбирая нужное слово, — во что-нибудь подходящее. Нам сейчас некогда с ней заниматься, к тому же нужно дождаться, когда Роман проснётся.

И я обошёл стоявшую у меня на пути парочку, направляясь к двери. Надеюсь, Рома скоро очнётся, а то как-то слишком много вопросов у меня к нему накопилось.

Глава 2

Министр внутренних дел Иванов Павел Романович ждал нас в том самом приватном кабинете, где мы когда-то устраивали «семейный обед» для журналистов. Он сидел за столом, что-то ковыряя вилкой на своей тарелке, внимательно разглядывая, что же у него в итоге получилось.

— Ещё раз добрый день, — поздоровался я, подходя к столу. — Могу я поинтересоваться, что вы делаете с несчастной рыбой? Судак оказался не настолько вкусным, как вы говорили?

— Судак превосходный, — ответил Иванов, поднимая голову. Его взгляд остановился на проклятой седой пряди, и зрачки чуть дрогнули, слегка расширившись. — Импозантное украшение. На недавнем селекторе его не было, значит, получено оно было буквально сегодня. Или это ваш дизайнер настоял?

— Небольшой побочный эффект довольно опасного магического эксперимента, — как можно небрежнее сказал я, садясь за стол и роняя на колени салфетку.

— Вот как, — протянул Иванов и перевёл взгляд на Эда, который, похоже, колебался, решая, что же ему делать: занять место за столом или же остаться стоять у меня за спиной. Последнее автоматически вычеркнуло бы его из состава переговорщиков, именно поэтому он колебался. Иванов решил за него, указав рукой на последний свободный стул. — Эдуард Казимирович, присаживайтесь, нечего стоять над душой.

Эд усмехнулся и, наконец, занял своё место, решив последовать совету министра. В комнате воцарилось молчание, в то время как официанты расставляли на столе принесённые блюда. Я наблюдал за тем, как ловко они управляют приборами, обдумывая, что скажу Иванову. В голову ничего хорошего не приходило, всё-таки я ещё не отошёл от сегодняшних потрясений, так что я решил пока лишь реагировать на то, что он мне скажет: из того, что министр так настойчиво хотел со мной встретиться, можно сделать вывод, что ему есть, что мне сказать.

Когда официанты наконец убрались из кабинета, Эдуард активировал защиту от прослушки, и мы с ним вопросительно посмотрели на Иванова.

— Что происходит, Дмитрий Александрович? — он отбросил всякие церемонии и теперь смотрел на меня цепким, внимательным взглядом, словно стружку снимал. Всё-таки не просто так этот мужик занимал должность прокурора до того, как стал министром.

— Я не понимаю, что вы имеете в виду, — медленно ответил я, беря в руки столовые приборы. Запах пищи будоражил, мне нужно было восстанавливаться после ритуала, и я с трудом сдерживался, чтобы не наброситься на стоявшую передо мной еду.

— Все эти постоянные перестановки в правительстве... — начал перечислять Иванов, но его перебил Эдуард.

— Простите, Павел Романович, что перебиваю, но какое отношение Служба Безопасности имеет к правительству?

— Бросьте, Эдуард Казимирович, — Иванов устало отмахнулся от него. — Всем прекрасно известно, что к калейдоскопу министров Дмитрий Александрович имеет непосредственное отношение. Точнее, к их отставкам. Так же всем достаточно умным людям давно известно, что Хрущёва работает на СБ, так же как и Демидов, занимающий должность секретаря президента до неё.

— Ну, раз всем умным людям это известно, то какие могут быть вопросы? — я приподнял бровь, посмотрев на Иванова, но практически сразу отвлёкся, сунув в рот кусок рыбы. Судак действительно был изумительный, просто таял во рту, и я даже прикрыл глаза от удовольствия.

— Почему вы никак не влияете на назначения? — Иванов откинулся на спинку стула, сложив руки на груди. — Почему Хрущёва только заносит кандидатов в отдельные списки, но больше вы ничего не делаете, чтобы навести уже порядок!

— Повторяю вопрос Эдуарда Казимировича, — я снова посмотрел на него. — Какое отношение СБ имеет ко всему этому? Мы собираем списки только для того, чтобы предотвратить преступную деятельность министров. Формирование кабинета не входит в мои обязанности.

— Но президент...

— А вот президента мы обязаны защищать всеми доступными нам методами, — снова усмехнувшись, перебил Иванова Эд.

— Нет, не обязаны, — министр успокоился, и в его голосе появился откровенный сарказм. — Вы были обязаны защищать всеми доступными вам методами императорскую семью, а вот для защиты президента существует это убожество, гордо именуемое «секретная служба». Но да, вы правы, формирование кабинета не входит в ваши обязанности, — наши взгляды встретились, и я вздрогнул, ощутив довольно приличную защиту на его разуме. Причём защита эта была не внедрённая, а выстроенная им самостоятельно на протяжении нескольких лет. Скорее всего, министр Иванов даже не осознавал, что эта защита существует, и это меня чрезвычайно заинтересовало. Судя по задумчивому взгляду Эдуарда, он тоже был заинтригован.

— Павел Романович, чего вы от нас хотите? — прямо спросил я, откладывая вилку.

— Лично от вас, Дмитрий Александрович, я ничего не хочу, — он опустил руки и посмотрел на свою тарелку. — Я хочу, чтобы в нашей стране наконец-то установился хоть какой-нибудь порядок, и для этого я готов пойти на многое.

— Даже интересно, как с такими убеждениями вы вообще стали министром внутренних дел, — заметил Эдуард, не прикоснувшийся к стоявшему перед ним блюдам.

— Кто-то вытолкнул вперёд мой стул, когда у кандидатов начали спрашивать добровольное согласие, а я в тот момент слишком устал, чтобы вовремя отреагировать, — Иванов продолжал гипнотизировать взглядом судака. — Видимо, меня посчитали достаточно безопасным для этой должности, вот и назначили. Видят боги, я не хотел этого кресла и отбивался до последнего, но Яковлев практически всегда слушает только себя, отменяя любые аргументы как несущественные.

— Он сам роет себе могилу, кто в этом ещё виноват? — я пожал плечами и вернулся к прерванному обеду. — А мы как заправские сплетники обсуждаем политику почти на кухне. Вам не кажется, что в этом есть определённая ирония?

— А почему бы нам этого не делать? — Иванов широко улыбнулся и пожал плечами. — Это всего лишь разговоры, практически безобидные и несущие в себе лёгкое возмущение, а не призывы к действию. Даже ваше ведомство не сможет заподозрить в сегодняшнем обеде заговор.

— Я бы назвал это прощупыванием почвы, — Эд наклонил голову набок, в упор разглядывая министра. — И у меня возникает только один вопрос, а почему вы ещё живы, несмотря на свою позицию?

— Я всегда занимался особо тяжкими преступлениями, а коррупция, хоть и карается похлеще чем убийства, к особо тяжким преступлениям почему-то не относится, а убийства собственноручно наши чиновники не любят, и мы всегда оказывались вне поля зрения друг друга, — задумчиво проговорил Иванов, поднимая вилку. — Наверное, поэтому.

— Самым страшным преступлением являются махинации с налогами, — поправил я его. — Коррупция — это так, страшилка для неугодных и умудрившихся попасться. К сожалению.

— Это точно, — Иванов неопределённо хмыкнул. — Эдуард Казимирович, а почему вы не едите?

— У меня аллергия на рыбий жир, — ответил Эд, а я удивлённо посмотрел на него.

— Да? А почему я не знаю о таких подробностях? — спросил я его. — И ответ мне хотя бы здесь при свидетелях, на что у тебя нет аллергии, брат мой?

— Проще перечислить то, что я могу есть без опасения свалиться с анафилактическим шоком, — Эд улыбнулся. Я же только покачал головой. Сказал бы просто, что не голоден, потому что на днях он прекрасно жрал рыбу и закусывал коктейлем из морепродуктов, и ничего, живой.

— Я это учту, не переживай, — улыбнувшись так, что лёгкая полуулыбка слетела с лица брата, я повернулся к Иванову. — Будем считать, что вступительная часть закончена. Зачем вы нас на самом деле пригласили, Павел Романович?

— Вы собираетесь что-то делать с Клещёвым? — наши взгляды снова встретились. — Вот этот экземпляр точно входит в ваши обязанности. Если вам он не интересен, то я лично им займусь.

— Что он сделал? — резко спросил я, бросая обеспокоенный взгляд на нахмурившегося Эда.

— Эта гнида почему-то решила, что ей хватит денег купить меня, — Иванов сжал в руке вилку так, что костяшки пальцев побелели. — Он бы ещё к Смирнову с подобным предложением заявился, я бы с удовольствием посмотрел на этот номер.

— Думаю, что к Смирнову Игорь Максимович заявлялся, — я на мгновение задумался. — Так, хорошо, а чем ещё вам не угодил человек, практически безвылазно сидящий в пятьсот третьем номере гостевого дома десятой Гильдии здесь в столице, или в триста пятнадцатом номере подобного дома в Твери?

— Вы издеваетесь, Дмитрий Александрович? — Иванов прищурился.

— Нет, просто интересуюсь, — и я кротко улыбнулся. — Не трогайте Клещёва. Я вас очень прошу.

— Я так и думал, что за вашим демонстративным игнорированием этого ублюдка что-то стоит, — совершенно спокойно ответил Иванов и улыбнулся.

— Вы не хотите узнать подробности? — Эдуард продолжал сверлить его пристальным взглядом.

— Хочу, — министр пожал плечами. — Но не буду настаивать. Это разработка вашего ведомства, и лично я башку бы открутил любому, кто попытался бы влезть в мою операцию. К тому же, что-то мне подсказывает, что эта наша встреча далеко не последняя. Вы уж не поленитесь, Эдуард Казимирович, пришлите мне список того, на что у вас аллергия, чтобы я снова не попал впросак.

— Обязательно, Павел Романович, — и Эд отвёл от него взгляд, коротко улыбнувшись.

Окончание обеда прошло в ничего не значащей болтовне: в основном мы обсуждали достоинства секретарш, работающих в секретариате кабинета министров, а также последние биржевые сводки. Я даже дал Иванову пару советов для краткосрочных инвестиций. В общем, мне понравилась и наша встреча, и сам министр. Когда разговор себя исчерпал, я поднялся из-за стола.

— Прощу нас извинить, Павел Романович, но у меня на сегодня ещё запланированы дела. Полагаю, нам нужно ещё раз встретиться, на этот раз поужинать, чтобы прояснить все неясные вопросы.

— Совершенно согласен с вами, Дмитрий Александрович, — Иванов встал, и мы не колеблясь пожали друг другу руки, после чего я кивнул Эду, и мы вышли из кабинета.

До СБ решили пройти пешком, чтобы на ходу обсудить встречу.

— Ты можешь идти рядом? — я недовольно повернулся к Эду, как обычно следовавшему чуть сзади. — Мне так неудобно с тобой разговаривать.

— Как скажешь, — Эдуард сделал два выверенных шага и недовольно посмотрел на меня.

— Что думаешь об Иванове? — я задал вопрос, игнорируя его недовольство. Эд ненадолго задумался, прежде чем ответить. Мы уже вышли на площадь Правосудия, когда он начал говорить:

— Думаю, что подобные связи нам не помешают. Нужно время, чтобы собрать всю необходимую информацию, и попытаться выяснить, что ему известно о наших делах. Иванов не выглядит человеком, желающим получить какую-то личную выгоду от нашего сотрудничества, но ничего нельзя сказать определённо. Ты видел его блок? Чтобы поставить такой, не обладая специфическими навыками, нужно иметь недюжинную волю и упрямство. Наш министр внутренних дел напомнил мне бульдога: если вцепится, то уже не отстанет, — он снова задумался и добавил: — Таких, как он, проще убить, чем объяснить, что в некоторых моментах можно и отступить.

— Да, возможно, ты прав, — согласился я. — Нужно Лео подключить. Я практически уверен, что у него есть нужная нам информация.

Мы с Эдом вошли в СБ и, не останавливаясь, поднялись в приёмную, где я увидел сидевшую на диванчике Ахметову. Увидев её, я совершенно рефлексивно попятился, но меня остановил Эдуард, шедший следом за мной. Ольга Николаевна подняла на меня глаза, оторвавшись от чтения какого-то журнала, лежавшего на столике, и поджала губы.

— Дмитрий Александрович, — она бросила журнал на столик и сразу же поднялась на ноги. Эдуард обошёл меня и направился к своему рабочему месту, оставив меня одного разбираться с нашим лекарем.

— Ольга Николаевна, — улыбнулся я, подходя к ней ближе. — Не ожидал вас увидеть так быстро после этого небольшого инцидента в больничном крыле.

— Денис Николаевич разрешил мне войти через пятнадцать минут после того, как вы покинули палату, — спокойно ответила Ахметова. — Конечно, работать там не очень приятно, но ничего, что угрожало бы нашим жизням, в моём отделе больше нет. От научного отдела, расположенного рядом, иногда больше всякой дряни просачивается в мою вотчину.

— Ну, если вспомнить тот артефакт правды, то дрянь из научного отдела может распространяться куда дальше лазарета, — поморщился я. Похоже, нужно кого-то приставить к этим умникам, чтобы следили за их экспериментами и вовремя докладывали, если они снова начнут выходить из-под контроля.

Интересно, почему подобная мысль мне не пришла в голову раньше? Я посмотрел на нахмурившегося Эда. Похоже, эта идея пришла в голову не только мне.

— Мне нужно, чтобы вы разбудили Романа, — тоном, не терпящим возражения, произнесла Ахметова. — И не беспокойтесь, смету на восстановление я уже передала экономистам, ещё до того, как своими глазами увидела, во что вы превратили лазарет, прекрасно осознавая весь масштаб катастрофы. На самом деле, я ожидала худшего. Стены, по крайней мере, уцелели. К тому же, я давно хотела заменить некоторое устаревшее оборудование и приобрести новое, но мне всегда отказывали, потому что для этого не было веских причин.

— Да, сейчас причины очень веские, — кивнул я, и только потом до меня дошло, что именно она только что произнесла вначале. — Вы хотите, чтобы мы разбудили Гаранина? Что-то не так?

— Понятия не имею, — она развела руками. — Но мне очень хочется выяснить, что же с ним происходит. Все приборы, будь то обычные или артефактные, словно с ума сошли. Пока Роман находится без сознания, я не могу определить, что именно с ним творится и какие изменения произошли с его внутренними органами. А они точно произошли. Это кроме того, что после первичного осмотра я заметила странную патологическую активность, происходящую в его головном мозге. Так же мне кажется странным отсутствие сигналов с коры лобной доли.

— Это серьёзно? — я потёр лоб, пытаюсь разогнать начинающуюся головную боль. — Чёрт, с Ромкой никогда не бывает просто!

— Мы можем ради чистоты эксперимента отключить часть головного мозга у любого, на кого вы укажете пальцем, чтобы вы наглядно убедились, что с такими повреждениями долго не живут. Что бы кто ни говорил, я в том числе, но головной мозг есть у каждого более-менее разумного существа, включая людей, — поджала губы Ахметова.

— Я просто спросил, насколько это может быть опасно! — повысил я голос, и Ольга Николаевна благоразумно заткнулась. С минуту я сверлил её пристальным взглядом, а потом, развернувшись, вышел в коридор, сразу же направляясь в сторону нашего лазарета. Лишь один раз, перед очередным поворотом, я оглянулся, чтобы удостовериться, что Ахметова следует за мной. Она не отставала, как и Эд, решивший лично убедиться в плачевном состоянии своего родича.

В палате за время нашего отсутствия немного прибрались, по крайней мере, убрали крупные обломки мебели и того, что осталось от аппаратуры. Вокруг кровати, в полной тишине, нарушаемой только писком и жужжанием многочисленных приборов, подключённых к Роману, всё ещё лежавшему неподвижно, стояли Лео, Ваня, Егор с лежавшей перед его ногами Соней и Андрей. Все они сосредоточенно смотрели на Гаранина, не отводя от него взгляда.

Когда я подошёл к кровати, все так же молча расступились, освобождая для нас место. Внешне Ромка выглядел почти так же, как и тогда, когда я ушёл от него, отправившись на встречу с Ивановым. Только вот лицо было совершенно статичным, и глаза под закрытыми веками больше не двигались.

Я перевёл взгляд на Эда и кивнул, давая тому право привести Ромку в сознание. Я мог бы и сам это сделать, но всё же опыта в подобном у Великого Князя было намного больше. Эдуард приложил ладонь ко лбу Гаранина, и спустя несколько секунд, тот открыл глаза под оглушительный писк заверещавших приборов.

— Выключите их, — распорядился Эд, пристально разглядывая смотревшего в одну точку на потолке Ромку.

Я сосредоточился и использовал свой дар, рассматривая источник Романа, превратившегося буквально за секунду в непонятную кашу из переплетающихся и путающихся между собой разноцветных каналов, в каждый из которых начала активно проникать новая чёрная нить, окрашивая их в грязные цвета. По телу Романа прошла судорога, и он закрыл глаза, закусив губу до крови.

— Ты как? — поинтересовался я, краем глаза отмечая, как Ахметова разглядывает мониторы, какие-то кристаллы и артефакты, резко переставшие верещать. Она всё больше хмурилась, переводя взгляд с них на меня, но делала это молча, не спеша задавать неудобные вопросы.

— Мне снилось, что меня пытаются самыми страшными и изощрёнными пытками, официально запрещёнными в Тёмной Империи, но сейчас я понял, что это был не сон, — прохрипел Роман и через силу открыл глаза, стараясь сфокусировать взгляд на мне. — Что вы со мной сделали?

— Вернули обратно на эту грешную землю, — ответил я, ловя его взгляд.

— Чтобы попытаться до конца моих дней? — тихо уточнил он и попытался пошевелиться, но тут же застонал и опустил поднятую руку. — Мне так больно не было даже после проклятия отца.

— Это очень неплохая идея, жаль, что она не пришла мне в голову раньше, — усмехнулся я, выпрямляясь. — Хотя, даже у меня возникала порой мысль переломать тебе все кости за то, что ты исчез из поля моего зрения на целый месяц. Сейчас же у меня к тебе накопилось слишком много вопросов. И ты будешь страдать, пока не ответишь на каждый из них подробно и исчерпывающе. А если это приведёт к летальному исходу, я снова чисто по-родственному верну тебя обратно. Потом это сделает Эд, а когда ему надоест, мы разрешим Довлатову про-

вести свой первый некродопрос, потом Троицкого к этому делу подключим. Не переживай, у нас достаточно некромантов, чтобы не дать тебе спокойно помереть, — я ткнул в его сторону пальцем, наконец, выдыхая, когда напряжение начало отпускать и я понял, что ничего страшного с Ромкой больше не произойдёт.

— Дима, — Ромка поморщился и всё-таки сел в кровати, замерев и затаив дыхание на добрых тридцать секунд, а после того как отдышался, добавил, уставившись на меня. — Что со мной происходит?

Глава 3

Глядя на Ромку, я не знал, что ему ответить. Если бы мы только знали, что с ним происходит. Проблема заключалась в том, что этого, похоже, не знал никто, по крайней мере, из присутствующих здесь.

Я перевёл взгляд на Эда, который в ответ пожал плечами. Ну а чего я ждал? Он же говорил, что подобных странных экспериментов Лазаревы ранее ни на ком не проводили, поэтому даже приблизительных данных у Великого Князя не было.

Тогда я посмотрел на Ахметову, быстро записывающую какие-то данные в карту наблюдений, сверяясь с данными с мониторов, надеясь, что она хоть что-то сможет ответить. Надеюсь я зря, а молчание начало понемногу затягиваться. Наконец, я глубоко вздохнул и ответил:

— Я понятия не имею, что с тобой происходит, но точно знаю, что ты будешь жить, даже с атрофированной частью мозга. К счастью, ты всё равно им очень редко пользуешься, так что разницы даже не заметишь.

— Смею вас разочаровать, Дмитрий Александрович, но, когда вы привели Романа Георгиевича в сознание, все показатели нормализовались, — отстранённо проговорила Ольга Николаевна. — Во всяком случае, те, что отвечают за головной мозг. Остальные находятся в процессе обработки.

— Жаль, а я так надеялся списать твоё неадекватное поведение на небольшой врождённый дефект, — я повёл плечами, чтобы немного ослабить боль в напряжённых мышцах. Наверное, мне всё-таки нужно отдохнуть и, желательно, немного дольше, чем те полтора часа, которые мне предоставили.

— Дима, у меня сейчас чувство, что меня собирают наживую по кусочкам, предварительно расчленив самым зверским образом. И здесь такая концентрация Тёмной энергии, что даже мне становится не по себе, — немного помедлив, произнёс Рома, не отводя от меня взгляда казавшихся ещё более посветлевших глаз. — Я умер?

— Да, ты умер. И мне пришлось очень сильно постараться, чтобы вернуть тебя к жизни. Но я не мог тебя оставить, ты же умолял не бросать тебя. Вряд ли ты это помнишь, конечно, поэтому я освежу тебе память. Ты вообще, чем думал, когда провоцировал своего папашу?! — под конец заорал я.

— Я его не провоцировал, — Рома скрипнул зубами, всё ещё не отводя от меня напряжённого взгляда. Его мышцы то и дело непроизвольно сокращались, и даже за столь небольшое время, пока он был в сознании, в глазах начали лопаться сосуды. Надо уже было заканчивать этот разговор и оставить его в покое до полного восстановления.

— Нет, Рома, мы всё видели, ты его именно что провоцировал. Ты на что рассчитывал? Что он похлопает тебя по плечу, и вы расстанетесь лучшими друзьями после того, что ты ему наговорил? — я скрестил на груди руки, делая шаг назад. — Зачем ты притащил сюда Анну? — задал я самый актуальный вопрос.

— Пока я находился рядом с ней, мне удалось раскрыть два висяка и получить ответ на давно мучивший меня вопрос, — еле слышно проговорил Гаранин. — Логично было предположить, что она нам здесь пригодится. Что у тебя с волосами? — без всякого перехода спросил он.

— Решил воспользоваться советом моего стилиста, предложившего этот вульгарный приём, чтобы выглядеть немного старше, — ответил я.

— Славик бы никогда не предложил тебе ничего подобного.

— А это был не Славик. Рома, не уходи от ответа. У нас будут проблемы с Анной? Она гражданка другого государства...

— Она депортирована в Российскую Республику по запросу СБ и лишена гражданства Фландрии согласно указу Президента Фландрии, — чётко отрапортовал Роман, прикладывая руку к груди. — Почему так больно?

— Есть хоть какое-то документальное подтверждение этому? — вклинился Ваня, подходя ближе.

— Все документы я отослал самому себе почтой.

— Голубиной? — хмыкнул Лео, стоящий у стены, скрестив руки на груди.

— Электронной, — процедил Ромка. — Что с моей магией? Я её не чувствую, — он вскинулся и обеспокоенно посмотрел на меня.

— Всё будет с ней нормально, — ответил вместо меня Эдуард, задумчиво рассматривая Ромку. — Возможно. Когда полностью восстановишься, будем смотреть, а пока я не советую тебе даже пытаться призывать свой дар.

— Так о каких висяках ты говорил? — спросил Андрей. — Надеюсь, это не просто личная месть, а что-то действительно серьёзное, и мы не потратим время на какую-нибудь ерунду?

— Я... — начал говорить Роман. Несмотря на боль, он прекрасно понимал, что нужно всех ввести в курс дела, поэтому стойчески терпел, время от времени прикладывая руку к груди.

Дверь в палату скрипнула, прерывая его. К кровати подошла бледная Ванда. Выглядела она очень плохо: спутанные волосы, красные глаза, слегка опухшее лицо. Её источник был полностью стабилен. Да и сама она была на удивление спокойна.

— Что с твоей магией? — прямо спросил я у неё, пока она молча стояла рядом со мной, не подходя близко к кровати.

— Всё хорошо, — ровно ответила она. — Даже странно, будто и не было никакого блока, потому что я чувствую и контролирую её даже лучше, чем раньше.

— К тебе вернулась магия? — осторожно поинтересовался Ромка, явно не понимая, почему Ванда так сдержанно себя ведёт. Я этого, если честно, тоже не до конца понимал, но решил пока не вмешиваться.

— Да, оказывается, смерть любимого человека может привести к очень странным последствиям. Даже разблокировать полностью закрытый источник, — усмехнулась она, прикрыв глаза.

— Ты плохо выглядишь, — нахмурившись, произнёс Рома, пристально разглядывая Ванду.

— Я уже нормально выгляжу. Пол-литра успокаивающих и стабилизирующих зелий привели меня в норму. Ты как? — тихо спросила она, делая шаг ближе к постели. Ромка через силу приподнялся на локтях и попытался встать, но, встретившись взглядом с подошедшей ближе Ахметовой, бросил эти попытки и лёг обратно, выдыхая сквозь стиснутые зубы.

— Сказали, что жить буду. Ванда...

— Прости, Рома, но я так больше не могу. Я слишком устала. Я долго думала и поняла, что больше подобного не вынесу... В общем, давай расстанемся, — выпалила она скороговоркой и положила на край кровати своё обручальное кольцо, слетевшее с её пальца, когда Ромка умер.

— Ванда, — Гаранин непонимающе уставился на Вишневецкую, как и все, кто находился в это время в палате. — Что происходит? Почему ты...

— Я не думаю, что нужно что-то объяснять, — перебила она его. — Ты не понимаешь, и вряд ли будешь даже стараться понять. Прости, — и, резко развернувшись, Ванда выбежала из палаты, громко хлопнув дверью.

— Вэн! — Ромка слёрнул с себя одеяло, рванул приклеенные к телу провода и быстро встал с постели, несмотря на возмущённый вопль нашего главного целителя. Сделав шаг вперёд, он начал заваливаться, и я успел первым подхватить его, чтобы плавно усадить на пол.

— Рома, тебе сейчас нельзя двигаться, — ровно проговорил я, глядя ему в глаза.

— Со мной всё в порядке! — рявкнул он, но сразу же выдохнул и схватился за грудь. В палате сразу же похолодало, и появившийся из ниоткуда ветер принёс с собой едва уловимый запах тлена.

— Какого чёрта? — пробормотал Эд и сделал шаг в нашу с Ромкой сторону.

Раздался небольшой взрыв, и невидимой волной всех, стоявших рядом, отбросило в стороны, включая Эдуарда. Я же только почувствовал направленную на меня волну Тёмной энергии, которая по какой-то причине не принесла мне никакого вреда. Пол задрожал, и нам на головы начала сыпаться уцелевшая штукатурка с потолка, а по стене и полу пошла глубокая трещина, из которой сразу же начали появляться и распускаться красивые ярко-красные цветы.

— Рома, посмотри на меня, — я тряхнул его за плечи, выводя из своеобразного транса, в который он погрузился.

Он поднял глаза. Сейчас они не были привычного светлого цвета. Чёрная дымка быстро расплзалась по глазницам, стирая границы между радужкой и белком. Все его магические нити были опутаны чёрными, липкими пятнами, а сам источник погрузился в подобие чёрной дымовой завесы.

— Чёрт! Усыпите его! — отдал я распоряжение, понимая, что сам сейчас не рискну ничего предпринимать.

— Ну зачем же так радикально, — проворчала Ахметова и, наткнувшись на мой бешеный взгляд, моргнула. — Что?

— Ничего, — я повернулся к Эду. — Ты можешь погрузить его в кому?

Эд кивнул, молча подошёл к нам и, приложив руку к голове явно дезориентированного Ромы, погрузил его в сон. Тело Гаранина обмякло, и я осторожно положил его на пол.

— Ты же сказал, что он не станет Тёмным? — я хмуро смотрел на Эдуарда.

— Я говорил, что он тогда не стал Тёмным. И то, что с ним произошло сейчас, никак не похоже на полную трансформацию, потому что невозможно из обычного мага сделать Тёмного. К тому же, я могу только догадываться о том, что именно ты с ним сделал, но тебе лучше уточнить все нюансы у Неё, — сдержанно ответил он и, помогая себе магией, опустил тело Гаранина на кровать. — Пока он полностью не стабилизируется, не рекомендую выводить его из комы, — Эд повернулся к Ахметовой, в это время отряхивающей себя от строительной пыли.

— Даже и не думала об этом. Когда он очнулся, все показатели пришли в норму. Физически Роман полностью здоров. Сейчас будем поддерживать его вегетативное состояние, и когда датчики, сигнализирующие о боли, перестанут зашкаливать, я вас приглашу для решения нашей внезапно возникшей проблемы. И да, Дмитрий Александрович, я могу получить более исчерпывающую информацию о приведённом в этой палате ритуале?

— Нет, — я поднялся на ноги и огляделся по сторонам. Какие красивые цветы. Ликорис, или паучья лилия. Всегда растут у склепов и семейных усыпальниц Тёмных. Наша исключением не является. Раньше она много где росла, но во время расцвета Тёмной Империи этот цветок перестали встречать в обычных местах, и его стали связывать только с Тёмными магами и Императорами.

Я достал телефон и набрал номер своего поверенного. Гомельский ответил только со второй попытки дозвониться, что было немного странно.

— Артур Гаврилович, — поприветствовал я его. — Я вас не отвлекаю?

— Нет, что вы, Дмитрий Александрович, — слегка запыхавшимся голосом ответил он. — Я просто решаю очень деликатную проблему с одним из наших будущих клиентов. К сожалению, господин Штейн решил не подписывать мирное соглашение, надеясь чего-то добиться в суде по иску госпожи Вишневецкой. Не то что ему это поможет, конечно, — хихикнул он, после чего кашлянул и замолчал.

— Мне нужно, чтобы вы кое-что проверили, — глядя на Ромку, произнёс я. — Посмотрите в Родовой книге, изменился ли статус Романа Гаранина в связи с его смертью и последующим воскрешением.

— Простите, что вы сказали? Роман Георгиевич умер? — практически прокричал в трубку Гомельский.

— Я сказал «с последующим воскрешением», — терпеливо пояснил я, даже на таком расстоянии чувствуя, как Гомельский начинает нервничать. — С ним всё в порядке. Мне просто нужно знать об изменившемся статусе.

— Да-да, конечно. Но в Родовую книгу я смогу посмотреть только через несколько дней. После небольшого инцидента наше хранилище находится на полной реставрации, в полной изоляции и герметизации, а более быстрого способа всё прояснить у нас нет...

— Надеюсь, что рабочих вы там не замуруете после проведения работ, — пробормотал я, ловя себя на мысли, что до сих пор не знаю, какие именно порядки существуют по сей день в Первом Имперском Банке.

— Разумеется нет, — с небольшой заминкой ответил он. — Как только я доберусь до книги, то сразу с вами свяжусь.

— Буду ждать. И да, займитесь Штейном как следует. Если он будет в ближайшее время сильно занят, то это пойдёт всем нам на пользу, — добавил я, отключаясь. — Нужно сходить к Оракулу, но не сегодня. Мне тоже не помешает отдохнуть, и я был бы не против, если бы и меня кто-нибудь в лечебную кому поместил. Так что, если никто не возражает, то я домой.

Телефон тренькнул, и я увидел сообщение от Лены. Похоже, она слегка нервничала и только что пришла в СБ, чтобы со мной встретиться. Ну вот и ладно, будет кому меня поддерживать в случае чего.

— Сомневаюсь, что после такого напряжённого денька кто-то будет возражать, — ответил за всех Ваня. Я лишь только посмотрел на часы, отмечая, что время уже близится к десяти вечера.

— Это был ужасно долгий день, — пробормотал я, направляясь к выходу из палаты.

— Дима, что ты будешь делать? — догнал меня Лео и, схватив за плечо, развернул к себе.

— Спать в надежде, что меня никто не будет беспокоить без веских оснований, — ответил я, не понимая, какого именно ответа Демидов от меня ждёт.

— Я имею в виду с Вандой. Что вообще на неё нашло? Она же его бросила! — Лео возмущённо всплеснул руками.

— И я её прекрасно понимаю и не осуждаю. Нужно иметь недюжинное терпение и стальные нервы, чтобы жить с Ромкой. Поэтому, Лео, я ничего не буду с ними делать, и советую никому в их непростые отношения не вмешиваться. Они взрослые люди и сами разберутся. Тем более, они всегда друг к другу возвращаются. Но даже если этот раз станет исключением, я ничего делать не буду, запомни это, — и я ткнул его пальцем в грудь. — У меня к тебе будет персональное задание: собери мне всю информацию о действующем министре внутренних дел, и чем полнее она будет, тем большая благодарность будет объявлена мною твоему отделу.

С этими словами я вышел в коридор и сразу же направился в сторону холла, где меня должна была ждать Лена.

Лена зашла в холл и без каких-либо проблем прошла через идентификационную рамку. Доступ ей настроили уже давно, но она очень редко приходила к Диме на работу просто так, чтобы привыкнуть к подобному. Её что-то тревожило, особенно после новостей, которые целый день крутили по всем каналам. Громкое убийство сенатора Реттингтона произошло во Фландрии, но она практически не сомневалась в том, что это каким-то образом отразилось на всех в этом здании.

Ванда сильно переживала, что Роман, находясь во Фландрии, не выходит на связь, и её нервозность незаметно передалась подруге. Сейчас же поступающая информация была настолько противоречива, что сбивала с толку. Да ещё и все, как сговорились, не отвечали на её звонки, заставляя нервничать всё больше и больше.

— Чижов, я тебе говорю, что это всё временно, — Лена остановилась возле поста охраны, разглядывая высокого парня в строгом костюме, присевшего на край стола и обращающегося к молодому сослуживцу в военной форме.

— Да брось, — хмыкнул его собеседник, развалившись в кресле, краем глаза посмотрев на монитор, когда пискнула рамка, в то время, когда Лена проходила через неё. — Вадим говорит, что она была совершенно спокойна. Я не знаю, что там у них произошло, но мне кажется, что это конец.

— Чтобы они разбежались, должно случиться несколько землетрясений, пришествие на нашу землю толпы демонов и ещё парочка подобных форс-мажоров, — фыркнул мужчина, выпрямляясь. — Это же обычное природное явление, как цунами, после которого всё всегда восстанавливается. Долго, иногда с жертвами, но всегда всё приходило в норму. Да на моей памяти они постоянно разбегались и сходились. Они за этим занятием больше времени проводили, чем были в официальных отношениях.

— Гаврилов, не тебе говорить об отношениях, — скривился Чижов. — Не верю, что всё будет так безоблачно, особенно после случившегося.

— Спорим? — прищурился Гаврилов, протягивая своему собеседнику руку. — Десять золотых рублей, что они будут снова вместе через две недели.

— Не боишься проиграть свою двухнедельную зарплату? — прищурился военный, доставая из ящика какую-то тетрадь.

— У меня с деньгами всё в порядке. Гаранин мне неплохо платил, когда я работал в Гильдии, — усмехнулся бывший гильдиец, не сводя с Чинова взгляда, в котором плескался азарт.

— А, давай, — согласился Чижов. — Десять золотых, что они разбегутся окончательно.

— Нет в тебе веры в людей и в человечество, — хохотнул Гаврилов, и они хлопнули по рукам, а Чижов что-то записал в тетради. — Ладно, меня Рокотов вызывает на какую-то незапланированную летучку. Если что узнаешь, расскажешь, у тебя же здесь проходной двор.

— Не похоже, что здесь происходит что-то страшное, — выдохнула Лена, провожая взглядом Гаврилова, скрывшегося за одной из дверей, ведущих из холла. — Простите, а Дмитрий Александрович на месте? — спросила она, подходя к Чинову, встрепенувшемуся и выпрямившемуся в кресле, когда она к нему обратилась.

— По моим данным, он здания не покидал...

— О, Леночка, ты уже слышала новости? — к ней подлетела Лана Медведева, с которой Лена не виделась с того злополучного девичника в Двух Дубках.

— Я не знаю, о чём ты говоришь, — осторожно ответила она, давая себя увести в сторону начальнице научного отдела, вцепившейся в неё мертвой хваткой.

— Да как так, вы же с Вишневецкой лучшие подруги, — охнула Лана. — Или нет.

— Да, но...

— Значит, она тебе ещё ничего не рассказала, — улыбнулась Медведева, потащив Лену в сторону двери, противоположной от той, где скрылся этот странный Гаврилов.

Лена поймала себя на мысли, что этот человек обладал приятной внешностью, и совершенно не был похож на убийцу. Да и Рома не был похож на убийцу, не говоря уже о том, что он является главой целой Гильдии. Интересно, зачем Дима вообще собирает у себя в СБ таких ненадежных личностей?

— Куда ты меня тащишь? Что случилось? — выбросив из головы все ненужные мысли, Лена остановилась и умудрилась все же сбросить с себя руку Медведевой.

— Ванда рассталась с Гараниным! — зашептала Лана с каким-то нездоровым энтузиазмом. — Представляешь, он только пришёл в себя после смертельного ранения, а она ему молча в лицо кольцо швырнула. Теперь все в СБ гадают, что произошло во время его командировки, и многие связывают это с очень симпатичной молоденькой фландрийкой, которую держат сейчас в одной из камер.

— Стоп. Что? — Лена уставилась на свою бывшую собутыльницу, с которой что-либо отмечать у неё больше не было ни малейшего желания.

— Вот именно! Ты же лучшая подруга Ванды, поэтому должна узнать все подробности, а то столько слухов ходит...

— И даже если я их узнаю, то никому ничего не скажу, — Лена улыбнулась поджавшей губы Медведевой и подняла голову, читая табличку над входом в один из коридоров. — Так, «Следственный отдел». Похоже, мне сюда.

Больше не обращая на Лану внимания, Лена решительно направилась в Следственный, чтобы узнать, о чём все вокруг шепчутся. Теперь показавшийся ей странным диалог между Чижовым и Гавриловым стал ей предельно понятен.

Найдя табличку с именем подруги, она постучалась и, дождавшись приглашения, зашла внутрь.

— Ты что творишь? — с порога начала она, рассматривая встрепенувшуюся подругу, что-то задумчиво пишущую на листе бумаги.

— Привет, ты здесь каким судьбами? — удивлённо спросила Ванда, поднимая голову.

Она отложила в сторону ручку и, подняв листок, внимательно прочитала то, что на нём было написано. После чего удовлетворённо кивнув, переключила всё внимание на Лену.

— Пришла к своему мужу, чтобы удостовериться, что с ним всё в порядке, но на меня буквально с порога вылили просто сногшибательную новость, — произнесла Лена, подходя к столу Ванды, удивляясь её полному спокойствию. — Что между вами произошло и почему ваше расставание с Ромой обсуждают все, кто встретился мне по дороге в твой кабинет?

— Это было десять минут назад, — Ванда удивлённо моргнула. — Как они узнали...

— Да ещё и в подробностях, — перебила её Лена. — Я вот помню, как ты страдала с семнадцати лет и все разговоры сводила только к Роману, а сейчас решила с ним расстаться? Или всё-таки он тебя бросил, встретив кого-то во время своей командировки?

— Охренеть, какое у нас здесь сарафанное радио, — протянула Ванда, а потом покачала головой и прикрыла глаза. — Лен, я просто устала. Внезапно поняла, что больше подобного не вынесу и сойду с ума. Когда он умер, хм, почти умер у меня на руках несколько часов назад, во мне что-то сломалось. Я думала, что не переживу этого, что просто лягу и умру рядом с ним. Но я не умерла и продолжала ждать, когда мне скажут, что с ним всё в порядке, — тихо произнесла Ванда и закрыла на секунду глаза.

— Ванда, — Лена подошла к ней со спины и крепко обняла, продолжая удивляться её полному спокойствию, практически не узнавая в этой девушке свою эмоциональную подругу.

— Я весь этот чёртов месяц не могла спать, есть и заниматься чем-то, кроме работы, постоянно думая, что с ним, и вернётся ли он, — продолжила Ванда. — Даже когда Рома был здесь, он постоянно срывался по делам своей чёртовой Гильдии, когда ему посреди ночи звонил какой-нибудь идиот из Владивостока или какого-нибудь Нижневартовска. И он всегда уходил, а я оставалась одна и только молилась всем богам, чтобы с ним ничего не произошло. Я не могу больше жить в таком напряжении. Я устала. Я хочу пожить нормальной человеческой жизнью, без всей этой беготни и погони от смерти. И мне требуется время и, возможно, десятка три сеансов с Рерих, чтобы прийти в норму и понять, что делать дальше. Я даже набросала план на ближайшее время в качестве стартовой психотерапии, — отстранившись, произнесла она. — И что бы кто ни говорил, это было обдуманное и взвешенное решение. Так будет лучше для нас обоих.

Лена взяла протянутый лист и прочитала лишь несколько строк, написанных красивым каллиграфическим почерком.

— Да, ты серьёзно подошла к решению этой проблема, — протянула она, сбрасывая звонок телефона. Звонил Дима, и она написала короткое сообщение, что находится сейчас у Ванды.

— Ко мне, кстати, магия вернулась. Я пока не рискую призывать дар, но мне кажется, что мой источник стал больше, а я — сильнее как маг, — Ванда повернулась к Лене и посмотрела на неё снизу вверх.

— Наверное, это хорошо, — неуверенно произнесла девушка. — А давай поедem на конюшни? — неожиданно предложила она. — Лошади успокаивают и приводят эмоции в норму. Тем более там Ирэн снова что-то не поделила с твоей Ромашкой.

— А знаешь, поехали, — легко согласилась Вишневецкая, поднимаясь на ноги. — Развeяться мне точно не помешает.

— Отлично, — провела рукой по лицу Лена, и они вдвоём направились к выходу из кабинета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.